

К 100-летию со дня рождения Юрия Николаевича Чумакова

Научная статья

УДК 82 (091)

DOI 10.25205/2410-7883-2022-2-9-19

Юрий Николаевич Чумаков рассказывает...

Елена Владимировна Капинос

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

dzerv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4057-110X>

Аннотация

Эта работа приурочена к 100-летию со дня рождения известного пушкиниста и исследователя русской лирики Юрия Николаевича Чумакова. В ней представлены и прокомментированы три небольших фрагмента его воспоминаний, которые автор статьи по возможности точно воспроизводит, стараясь сохранить не только их сюжетную основу, но и интонации Юрия Николаевича. Человек художественно одаренный, он обладал необыкновенной памятью, благодаря которой мог так описать едва ли не каждый день своей жизни, что слушатели вместе с ним сопереживали, видели, слышали, чувствовали это запечатленное прошлое. Записанные фрагменты относятся к его детству и ранней юности в Саратове (середина 1930-х – начало 1940-х гг.), и каждый из них – это своего рода художественная миниатюра, в которой можно увидеть и судьбы людей, и дух той эпохи.

Ключевые слова

Ю. Н. Чумаков, пушкинистика, мемуаристика, литературоведение как литература, литературоведческая проза, С. Р. Миротворцев

Для цитирования

Капинос Е. В. Юрий Николаевич Чумаков рассказывает... // Сюжетология и сюжетография. 2022. № 2. С. 9–19. DOI 10.25205/2410-7883-2022-2-9-19

Yury Chumakov Narrates...

Elena V. Kapinos

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

dzerv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4057-110X>

Abstract

This literature is timed to the 100th anniversary of the birth of the famous Pushkinist and researcher of Russian lyric poetry, Yury Chumakov. It presents and comments on three small fragments of his memories, which the author of the article reproduces as accurately as possible.

© Капинос Е. В., 2022

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2022. № 2. С. 9–19
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2022, no. 2, pp. 9–19

ble, trying to preserve not only their narrative basis, but also the intonations of Yury Chumakov. A man artistically gifted, he had an extraordinary memory, through which he could describe almost every day of his life in the way that the audience empathized with him, saw, heard, felt this captured past. The recorded fragments are related to his childhood and early adolescence in Saratov (mid-1930s – early 1940s), and each of them is a kind of miniature art, in which both the fate of people and the spirit of that era can be seen.

Keywords

Yu. N. Chumakov, Pushkinism, memoirism, literature studies as literature, literary prose, S. R. Mirotvortsev

For citation

Kapinos E. V. Yury Chumakov Narrates... *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2022, no. 2, pp. 9–19. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2022-2-9-19

В 2004 г. к юбилею близкого друга Юрия Николаевича – Сергея Георгиевича Бочарова, вышел сборник, озаглавленный «Литературоведение как литература» [2004], Юрий Николаевич принимал участие в этом сборнике и в обсуждении его заглавия¹. С тех пор прошло много лет, и выражение «литературоведение как литература» стало едва ли не афоризмом.

Юрий Николаевич постоянно размышлял над языком литературоведения, его увлекала история литературоведческой терминологии и особенно термины формалистов. Он искал исследования, где восстанавливалась этимология того или иного научного понятия, для него много значили работы М. Л. Гаспарова о тыняновской «сукцессивности» и «симультианности» [Гаспаров, 1988], книга о Тынянове И. Ю. Светликовой [2005], где реконструирована история терминов «проблемы стихотворного языка», научная биография Эйхенбаума Дж. Кертиса с кругом чтения Эйхенбаума² [Кертис, 2004]... Юрию Николаевичу важно было обозревать множество контекстов каждого понятия, что уводило от школьной определенности и однозначности термина к неопределенности, но не той неопределенности, что сродни обобщенному и приблизительному, а той, что предполагает динамику, смену углов зрения, разные экспозиции одного и того же понятия, сдвиги смыслов, разные способы истолкования. Уже в поздние годы Юрий Николаевич сам обновил термин «лирический сюжет», совершенно по-новому раскрыв его смысл.

Понимание литературоведческого языка как языка художественного не могло не сопровождаться артистическим владением словом, Юрий Николаевич был убежден, что хорошая работа по поэтике должна быть написана подобающим языком. Язык литературных и публицистических штампов не подходит ни для чего существенного – время от времени напоминал он аспирантам. И, конечно, сам Юрий Николаевич всегда экспериментировал не только с научным языком:

¹ Заглавие сборника, посвященного С. Г. Бочарову, перефразировало любимую идею юбилера о литературоведении как литературе, а в стиле Ю. Н. Чумакова Сергей Георгиевич видел образец именно такого художественного филологического письма, выразившись об одном из его онегинских фрагментов так: «Красивое созерцание – а в принципах автора красота анализа это свидетельство об истинности его. Одновременно и вместе филологическое и бытийственное чтение» [Бочаров, 2007, с. 513].

² Особенно в круге чтения Эйхенбаума Ю. Н. Чумакова увлекала фигура С. Л. Франка, он считал тему «Франк и Эйхенбаум» достойной отдельного и подробного рассмотрения.

почти всю свою жизнь писал стихи – в молодости серьезные, в более поздние годы шуточные, короткие, парадоксальные, с «джазовыми» ассонансными рифмами, необычным ритмом и звуком. В поздние годы Юрий Николаевич эти свои стихи записывал крайне редко, на какой-нибудь случайный листок или страничку блокнота, это был жанр в духе «музыканты шутят». Кроме стихов, он любил придумывать разного рода пародийные названия, совершенно абстрактные имена или прозвища, будто бы предназначенные для каких-то комических героев. Или собирал слова в палиндромы и ироничные сентенции типа

Судьба играет человеком,
А человек играет на трубе.

У Юрия Николаевича было необыкновенное свойство: он помнил множество событий своей жизни, при этом знал и точную их дату, и свое переживание этого времени, включая запахи, звуки и прочие его приметы. Если кто-то его расспрашивал, он делился своими воспоминаниями. То, что он рассказывал, было как будто готовой книгой, хотя и не записанной. Чаще всего какие-то эпизоды из своей жизни Юрий Николаевич оформлял в виде устных миниатюр, и в каждой имелись и портреты его знакомых, и поразительные мелкие подробности, и картины истории. Прожитое: детство, семья, война, арест, годы в заключении, преподавание в Саратовском университете, Саратовская «театралка», жизнь в «горах Тянь-Шаня»³, литературоведческие конференции, Новгородский пединститут, переезд в Новосибирск («большой город на большой реке») – всё это было темой его рассказов.

Со слов Юрия Николаевича я знаю, что А. П. Чудаков, видимо, выслушав что-то из таких автобиографических фрагментов, советовал ему написать книгу под названием «Над бездонным провалом...», где были бы собраны эти воспоминания, начиная от самых ранних (вскоре вышел роман самого А. П. Чудакова, тоже озаглавленный цитатой из Блока и отчасти автобиографический) [Чудаков, 2001]. Поданная Чудаковым идея, как и предложенное им заглавие, очень нравились Юрию Николаевичу, но и только: устные рассказы так и остались ненаписанным текстом, взывающим к памяти слушателей. Думаю, на воспоминания Юрию Николаевичу просто не хватало сил: поздно вступив в филологию, он спешил оформить свои рассуждения «Онегина», тютчевских стихотворений, создать теорию лирического сюжета, все время отводя книгу воспоминаний на второй план. Но то, что воспоминания оказались ненаписанными, как-то сошлось с тем, что Юрий Николаевич особенно любил мысль о бесконечности поэзии. В интерпретации «Онегина» он отталкивался от идеи текста, сжатого до одного мгновения, начатого и законченного в одной точке – «тогда в Одессе», любую лирическую вещь трактовал как «голос», доносящийся из какого-то неведомого пространства («ниоткуда с любовью») и распространяющийся, подобно кругам на воде, от сильного, но абстрактного и неопределенного «я», от «я», как будто бы освободившегося от самого себя и объятая мирозданием⁴. Юрий Николаевич восхи-

³ Ранее я уже восстановила по своим записям один из важных эпизодов этого периода биографии Ю. Н. Чумакова: знакомство с Ю. М. Лотманом. См.: [Ю. Н. Чумаков..., 2022].

⁴ В книге о лирическом сюжете Ю. Н. Чумаков приводит свою любимую цитату из Дж. Каллера: «Стихотворение представляется высказыванием, но это высказывание осуще-

щался формой «Поэмы без героя», умышленно созданной Ахматовой во множестве редакций, проистекающих из разных авторских субстанций: от самой поэтессы в разные периоды ее жизни, от ее слушателей, запомнивших и воспроизводивших по памяти услышанные когда-то стихотворные строки. Помню, с каким воодушевлением Юрий Николаевич встретил издание «Поэмы», осуществленное Н. И. Крайневой – том в полторы тысячи страниц, где «Поэма» собрана в десятке редакций с комментариями [«Я не такой тебя когда-то знала...», 2009]. Отсутствие окончательного варианта оставляет любую перспективу незавершенной, бежущей конца, определенности и ясности.

Любовь Юрия Николаевича к незавершенному, бесконечному тексту слегка просвечивает, как мне кажется, и в том, как мы видим теперь его биографию. Услышав когда-то рассказы Юрия Николаевича, мы можем попытаться собрать теперь вариации на темы его биографии. Правда, написать вариации устных воспоминаний Юрия Николаевича совсем не просто. Его выразительные и яркие сюжеты всегда были настолько оригинальны по языку и композиции, что воспроизвести это хоть сколько-нибудь точно – непосильная задача.

Невозможно было и записать воспоминания Юрия Николаевича на диктофон. Осталось несколько интервью, которыми он всякий раз не был доволен. По стилю его интервью отличались от свободных рассказов в кругу друзей и учеников: если Юрий Николаевич знал, что говорит под запись, то почти не импровизировал, а произносил выверенный, заранее обдуманый и детально отделанный текст. Свободно говоря в кругу друзей, он, напротив, никогда не был скован какими-то задачами, и его рассказ вбирал в себя и атмосферу дружеского круга, и контекст каких-то событий, которые его сопровождали. И всё это тоже относится к разряду того, что бежит записи.

Теперь его ненаписанные мемуары очень быстро, как следы на песке, тают, стираются детали, интонации, едва ли не всё самое главное... Много хочется спросить, переспросить, уточнить, но уже ничего нельзя поправить в памяти. И всё-таки я рискну и попробую что-то сохранить, записывая сейчас миниатюры, услышанные мною десятилетия назад.

Здесь я помещаю три отрывка из его детства, как я их помню. Изложу их от первого лица, что никак не является свидетельством вполне достоверного воспроизведения. К сожалению, у меня не осталось даже записей наших бесед. Но в форме первого лица, минуя весь антураж, окружавший беседу, мне легче вспоминать слышанное. Юрий Николаевич рассказывал, полностью погружая в то, о чем он говорил, позволяя видеть или представлять то, что когда-то он увидел и пережил, и отвлекаться на прочие обстоятельства рассказа слушатель уже не мог.

ствяет голос с неопределенным статусом» [Чумаков, 2019, с. 44] и развивает этот тезис: «...говоря о себе, душа поэта транслирует токи мироустройства. Не напрасно лирика в первоначальных формах была хоровой. Если верить Чаадаеву, что все люди могут быть представлены как один человек, так и любая отдельная личность потенциально содержит в себе множество других, но не тех, с которыми она вступает в диалог, а тех, которые могут стать ипостасями этой личности, просвечивающей сквозь них» [Там же, с. 62].

Сергей Романович Миротворцев

*Реконструкция этого рассказа посвящается
хирургу Центра новых медицинских технологий
Сергею Валерьевичу Ярмоцуку*

Однажды в детстве (мне было лет 11–12, значит, это случилось году в 1933–1934) я занозил руку довольно крупной щепкой. Щепку вытащили, но ладонь сильно нагноилась и распухла, и Варвара Николаевна, одна из моих теток, сама врач, повела меня к знаменитому в Саратове хирургу – Сергею Романовичу Миротворцеву, который и преподавал в университете, и сам много оперировал.

Нам открыла горничная, и после приветствия тетка сказала ей: «Моя фамилия Остроумова, я училась у Сергея Романовича. Я пришла с ребенком, который поранил руку, и хотела бы спросить у Сергея Романовича совета». Горничная исчезла, и через некоторое время появился Миротворцев, уже в белом халате, хотя когда мы пришли, он приема не вел. На вид ему было лет 55, может, 60. Он пригласил нас войти, и мы оказались в большой квартире (до революции такие квартиры были у многих практикующих врачей: просторная светлая приемная, кабинет, где доктор принимал пациентов, и дальние комнаты, где жила семья). Врач посмотрел мою руку, улыбнулся и сказал: «Это ничего, сейчас мы с этим справимся». Мгновенно достал откуда-то ланцет и, не успев я испугаться, полоснул ланцетом мою ладонь. Больно совсем не было, рана очистилась, а доктор пообещал: «Осталось только обработать, и всё начнет заживать».

Рана, и правда, вскоре зажила, а встреча с Сергеем Романовичем навсегда осталась в моей памяти. В его разговоре, добром и мягком обращении, в улыбке было что-то особенное. В те времена у врачей была принята очень бережная манера общения с пациентом, задавал ли он вопросы или рассказывал ему о его болезни. Сергей Романович был похож на знаменитых врачей XIX века, какими их описывают в книгах. В Саратове к тому же ходили слухи о том, что он – внебрачный сын Александра III. Скорее всего, это была городская легенда, но – обратите внимание – какая! Она была сделана по всем правилам этого жанра: некоторые детали, казалось бы, указывали на небезосновательность этих слухов. Во-первых, он чрезвычайно походил на царя лицом и осанкой, просто вылитый портрет: посади его на лошадь, получится живая копия знаменитого памятника Александру III у Николаевского вокзала в Петербурге⁵. Во-вторых, отчество его как бы намекало на царский род, а фамилия – на то, кто именно из Романовых был его отцом.

В детстве и юности я, кажется, о Миротворцеве больше ничего не слышал, а сейчас уже не у кого спросить, какова была дальнейшая судьба этого человека⁶.

⁵ Имеется в виду памятник Александру III работы П. Трубецкого, открытый в 1909 г., первоначально находившийся на Знаменской площади (с 1918 г. – площадь Восстания) у Николаевского (ныне Московского) вокзала, в настоящее время памятник располагается во дворе Мраморного Дворца.

⁶ Приведем здесь краткую историческую справку о С. Р. Миротворцеве. С. Р. Миротворцев родился в 1878 г. в Саратовской губернии, в 1903 г. с отличием окончил медицинский факультет Харьковского университета и работал в Обуховской больнице Санкт-Петербурга, затем как хирург Красного креста отправился на Русско-Японскую войну, о чем

Юрий Меркель

На пятнадцатом году, в начале 1937-го, я впервые осознал притяжение другого пола. В нашем классе училось много девочек из старых профессорских семей и новой, вскоре почти исчезнувшей, обкомовской элиты. Это были всегда опрятные, вежливые умницы, но они мне почему-то казались некрасивыми и неинтересными. С ними можно было, конечно, поговорить, но только не влюбиться. Среди них выделялась ранним не по годам расцветом Наташа Урядова, сидевшая в классе позади меня. Она была брюнеткой с ярким и живым лицом, и от нее исходило что-то, как бы ударявшее меня в спину. Во время уроков я, наверное, стал часто оглядываться на нее, она заметила это и прислала мне рассерженную записку: «Юра, прошу тебя не оборачиваться в мою сторону. Мне неприятно, на нас все смотрят».

Эта записка, конечно, настораживала, но остановить сильное чувство было невозможно, и вскоре в арке старого купеческого дома я, зажимая под мышкой шахматы, объяснился ей в любви и получил бесповоротный и, как мне тогда показалось, даже презрительный отказ. Я отлично помню эту сцену и все сказанные там слова, но возвращаться к ним как-то не хочется.

Чуть позже выяснилось, что у меня есть счастливый соперник – Юра Меркель, сын школьной уборщицы. В отличие от меня, он явно Наташе нравился, и не случайно – Юра был под стать ей: высок, мускулист и в то же время изящен, наделен правильными, мужественными чертами лица. В сущности, я мало что о нем знал и мне было совсем не известно, чем он живет: он посредственно учился и не принадлежал к кругу моих школьных товарищей.

Когда мы заканчивали школу, с Юриными документами приключилось недоразумение: ему не хотели выдавать аттестат на фамилию Меркель. Это была фамилия его отца, Федора Меркеля, которого никто никогда не видел, а Юра жил при школе вдвоем со своей матерью, носившей фамилию Печёнкина, но записавшей в метрику сына фамилию, распространенную у поволжских немцев (их было много у нас в Саратове). И когда при получении паспорта Юре хотели присвоить фамилию Печёнкин, он оказал столь героическое сопротивление, что фамилию отца оставили, хотя и мальчику, и его матери пришлось ради этого побегать по инстанциям.

После школы Юру призвали в Тихоокеанский Военно-морской флот, и пару раз он даже успел прислать кому-то из наших одноклассников свои фотографии,

оставил воспоминания [Миротворцев, 1956]. Под своим настоящим именем С. Р. Миротворцев изображен в романе «Порт-Артур» А. Н. Степанова. После войны, в 1909 г., С. Р. Миротворцев защитил докторскую диссертацию по хирургической урологии, вернулся в Саратов, где был принят на место профессора кафедры общей хирургии Саратовского университета. Во время Первой мировой войны работал на фронтах, встретив Февральскую революцию главным хирургом Западного фронта. В середине 1930-х гг., которые описываются в рассказе Юрия Николаевича, С. Р. Миротворцев был избран ректором Саратовского университета. Во время Второй мировой войны работал главным хирургом эвакогоспиталей Саратовской и Пензенской областей, издал ряд теоретических работ по военно-полевой хирургии, в том числе «Очерки военно-полевой хирургии» совместно с Н. Н. Бурденко, после войны получил звание академика. Умер 4 мая 1949 г. в Саратове, похоронен на Воскресенском кладбище. Сведения по: [Галаева, Горохов, 2019].

от которых нельзя было отвести глаз, так шли ему тельняшка и бескозырка с лентами. Однако остаться на флоте и, вероятно, погибнуть в боях начавшейся через год войны Юре было не суждено. Фамилия сыграла здесь роковую шутку: в качестве «неблагонадежного немца» его уволили с корабля и отправили лет на двадцать на изнурительные работы в шахтах Урала, почти круглосуточные, с перерывами лишь на краткий сон в землянке. Об этом я узнал, конечно, гораздо позже, когда Юра был отпущен и вернулся в Саратов.

Сам я в войну оказался на фронте, весной 1945-го меня арестовали, и я отбыл срок по фальшивому политическому обвинению, а через какое-то время навсегда покинул свой родной город. Но время от времени приезжал домой к теткам, и однажды они сказали, что к ним заходил мой одноклассник и хотел со мной поговорить. И я повидался-таки с Юрой: как-то, открыв дверь, я увидел у себя на пороге худого, совершенно изможденного старика (нам тогда едва исполнилось по сорок). От него самого я и узнал о его жизни в трудовой армии. А через год Юрий Меркель умер, сполна расплатившись за свою детскую мечту об отце и за нежелание носить грубую фамилию Печёнкин.

Несколько дней назад моя одноклассница Наташа Урядова (потом Меджидова, потом Бельченко) отметила в Лос-Анджелесе свое 90-летие ⁷, а тогда, в 1937-ом, я еще долго продолжал ее любить, печально и безнадежно, уже не смея к ней приближаться, но воображая ее или какого-то очень похожего на нее в разных вымышленных, фантастических ситуациях.

Гога Ардишвили

В 1939-м, в начале учебного года, мой друг Рома Модестов придумал, чтобы мы записались в секцию бокса. Он считал, что бокс развивает не столько силу, сколько волю, а воля – это самое главное. И вот я, выросший на попечении двух теток и бабушки и чувствовавший в себе недостаток мужественности, принялся осваивать боевые приемы. Бокс мне нравился, потому что хотелось быть похожим на Романа ⁸, смелого, решительного и по-взрослому сосредоточенного. Нам было по семнадцать.

Я боксировал уже месяца четыре и даже кое-чему научился, когда в школе со мной произошла одна довольно нелепая история. На перемене мы с Гогой Ардишвили шутливо толкали друг друга. Гога, крепкий, всегда оптимистичный здоровяк-красавчик, видимо, не рассчитал свои силы, и в какой-то момент я, потеряв равновесие, стал падать назад, спиной на парту. В этот момент я инстинктивно схватился за его курточку, благодаря чему устоял, но молния на куртке треснула или даже порвалась. Из-за молнии или по какой-то другой причине (я даже не

⁷ Будучи почти на год старше своих одноклассников, Н. Н. Урядова (Бельченко) почти на год пережила Ю. Н. Чумакова и умерла 25 февраля 2016 г. в Лос-Анджелесе, самой последней из всех его одноклассников.

⁸ Роман Модестов не был одноклассником Юрия Николаевича, они познакомились на занятиях шахматного кружка. В жизни Юрия Николаевича Роман Модестов с его школой мужества сыграл важную роль: возможно, занятия боксом и общение с Романом Модестовым помогли выжить Юрию Николаевичу на фронте и позже в тюрьме. Сам же Роман Модестов с войны не вернулся, и всякий раз, вспоминая о войне, Юрий Николаевич вспоминал своего друга.

успел этого понять) Гога резко и всерьез ударил меня по лицу на виду у всего класса. Несколько секунд я приходил в себя, понимая лишь одно: на такой удар необходимо отвечать. Но ответить не успел, в класс вошел наш учитель математики, и начался урок, последний в этот день. После урока все, включая Гогу, быстро соскочили со своих мест и помчались домой, я же медлительно укладывал свои книги в портфель, мысленно всё еще как бы находясь против Гоги и собираясь ему ответить.

На следующий день в школу я не пошел, просто не мог: надо было решить, что я должен делать. В нашей школе Гога славился силой, превосходным ростом, сложением и считался абсолютно непобедимым. Рома посоветовал мне встретить Гогу после школы на пустыре и устроить поединок, на котором он будет арбитром. Другого выхода не было, и через несколько дней мы с Ромой весь вечер караулили Гогу, но тот где-то задержался или куда-то свернул по пути к дому, и встреча не состоялась. Прошли еще сутки, и я вновь ждал Гогу на пустыре, но уже не с Ромой, у которого случились неотложные дела, а с Волькой Филипповым, 16-летним мальчиком, ходившим со мной на шахматы. Я точно знал, что теперь-то встреча неминуема, это было 21 декабря, в школе заканчивался вечер в честь дня рождения Сталина, и Гога должен был возвращаться домой именно там, где мы его ждали.

Я поставил свой маленький чемоданчик с боксерскими перчатками на землю и сел на него, перегородив противнику путь. Должно быть, Гога издали заметил меня. Он шел с вечера один, с набитым портфелем и рулоном ватмана подмышкой (намеревался, видимо, дома рисовать стенгазету). Приближаясь ко мне, он не выказал никаких эмоций, ничего не изменилось ни в его лице, ни в его походке. Он шел прямо на меня. Когда между нами осталось метра два, я встал, а когда он приблизился вплотную, нанес ему первый и очень сильный боксерский удар по лицу прямой правой. Ватман и портфель выпали у Гоги из рук, он покачнулся и принялся активно отвечать, суетливо по-русски с боков поколачивая меня кулаками, но не костяшками, как в боксе, а нижней частью ладони с прижатыми к ней пальцами. Его ударов я вообще не чувствовал, они приходились по поднятому воротнику моего ватного пальто. Я же нанес ему новый удар по лицу, уже левой и приготовился к новому прямому удару справа, стараясь одновременно держать дистанцию. Единственная боль, которая мною тогда едва-едва ощущалась, была боль от разбитых костяшек пальцев, боксерских перчаток я, конечно, не надевал – это было бы не честно. Каждый новый мой удар распялял Гогу, и наконец он, собрав силы, кинулся и всем своим мощным телом повалил меня. Мы стали кататься по снегу, с прежним упорством сопротивляясь друг другу. Не знаю, долго ли это продолжалось, но через какое-то время Волька, не выдержав напряжения, подбежал и замахнулся на Гогу, тот на секунду отвлекся, я вскочил на ноги и вновь стал наносить боксерские удары ему в лицо. Гога опять повалил меня, и, сцепившись, мы покатались клубком под гору, где как раз в это время проходило четверо военных – пограничники с собакой. Они, конечно, разняли нас и принялись отчитывать за недостойное поведение на улице. Их собака, казалось, тоже неодобрительно на нас смотрела и, следуя ее взгляду, я увидел лицо своего противника: оно было красным, вздутым и сочилось кровавыми ссадинами. На себе же я никаких ран не чувствовал и, помню, удивился тому, что пограничники ругают нас обоих, а не меня одного за то, что я побил Гогу.

Утром я обнаружил, что руки всё-таки распухли и что я не смог бы уже драться. Эта травма ничуть не подействовала на мое триумфальное настроение, и я впервые за эти дни побежал в школу, захватив с собой увесистую цепь на тот случай, если инцидент получит продолжение. Я вошел в класс и встал у окна. Первый, кого я увидел, войдя в класс, был Гога, он был окружен толпой наших мальчиков, а его лицо вид являло ужасный: всё, что накануне выглядело красным и распухшим, теперь превратилось в темный, едва ли не сплошной кровоподтек. Завидев меня, Гога рванулся к ближайшей парте, в ярости вырвал ее крышку и с нею в руках пошел на меня. Я спокойно вытащил из кармана цепочку и с усмешкой крутанул ее пару раз в воздухе. Одноклассники мгновенно оценили ситуацию и предотвратили бойню. После мне пришлось отвечать на классном собрании за то, что в день рождения вождя я избил комсомольца, но в душе я продолжал ликовать, даже не подозревая о том, в какое время живу и как легко отделался, получив всего лишь строгий выговор с предупреждением, занесенным в личное дело.

Единственное, что вскоре стало омрачать мою радость, так это вина перед Гогиной матерью, тихой и всегда печальной красавицей из рода Строгановых, которая по своему виду и манерам совершенно не походила на своего мужа, отца Гоги – жесткого до грубости офицера, исполненного удали, той самой, что была мне хорошо известна по его сыну. Впрочем, Гогины раны скоро зажили, а наши отношения стали, как и раньше, отдаленными. Но на фронт мы уезжали в одном огромном эшелоне и расстались у города Станислава, где Гогу взяли в пограничные войска МВД и отправили в Черновцы, а через месяц и я оказался там же. 4 июля 1941 года, в день своего 19-летия, я сдал Черновцы врагу. Мы получили приказ отступать, и я дежурил на мосту: мимо меня проходили гарнизоны – проехала артиллерия, потом наши танки, и в самом конце небольшая колонна пограничных войск. На них были зеленые фуражки с синим околышами, и в одном из солдат я узнал Гогу, мы увидели друг друга и помахали руками – я ему, а он – мне.

Нам обоим выпало счастье остаться в живых на этой войне, но больше мы никогда не встречались.

Список литературы

Бочаров С. Г. «Мировые ритмы» и наше пушкиноведение. По прочтении двух книг Юрия Николаевича Чумакова // Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 506–517.

Галаева А. А., Горохов С. В. К 140-летию со дня рождения Сергея Романовича Миротворцева // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2019. Т. 9, № 2. С. 105–106.

Гаспаров М. Л. Первочтение и перечтение: к тыняновскому понятию сукцессивности стихотворной речи // Третьи тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 15–28.

Кертис Дж. Борис Эйхенбаум. Его семья, страна и русская литература. СПб.: Академический проект, 2004. 351 с.

«Литературоведение как литература»: Сборник в честь С. Г. Бочарова / Отв. ред. И. Л. Попова. М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. 512 с. (Studia Philologica)

К 100-летию со дня рождения Юрия Николаевича Чумакова

Миrotворцев С. Р. Страницы жизни. Л.: Медгиз, 1956. 199 с.

Светликова И. Ю. Истоки русского формализма и формальная школа. М.: НЛО, 2005. 168 с.

Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени. М., 2001. 517 с.

Чумаков Ю. Н. В сторону лирического сюжета. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЯСК, 2019. 120 с. (Studia Philologica)

Ю. Н. Чумаков: воспоминание о знакомстве с Ю. М. Лотманом (публ. Е. Капинос) // Филологический класс. 2022. Т. 27, № 1. С. 35–43.

«Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. набросок балетного либретто: материалы к творческой истории / Изд. подгот. Н. И. Крайневой. СПб.: Мир, 2009. 1488 с.

References

Bocharov S. G. “Mirovye ritmy” i nashe pushkinovedenie. Po prochlenii dvukh knig Yuriya Nikolaevicha Chumakova [“World rhythms” and our Pushkin studies. After reading two books by Yury Nikolaevich Chumakov]. In: Bocharov S. G. Filologicheskie syuzhety [Philological stories]. Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2007, pp. 506–517. (in Russ.)

Chudakov A. P. Lozhitsya mгла na starye stupeni [Darkness falls on the old steps]. Moscow, 2001, 517 p. (in Russ.)

Chumakov Yu. N. V storonu liricheskogo syuzheta [In the direction of the lyrical plot]. 2nd ed. Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2019, 220 p. (in Russ.)

Curtis J. Boris Eykhenbaum. Ego sem'ya, strana i russkaya literatura [Boris Eikhenbaum. His family, country and Russian literature]. St. Petersburg, Academic project, 2004, 351 p. (in Russ.)

Galaeva A. A., Gorokhov S. V. K 140-letiyu so dnya rozhdeniya Sergeya Romanovicha Mirotvortseva [To the 140th anniversary of the birth of Sergei Romanovich Mirotvortsev]. *Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsiy [Bulletin of medical Internet conferences]*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 105–106. (in Russ.)

Gasparov M. L. Pervochtenie i perechtenie: k tynyanovskomu ponyatiyu suksessivnosti stikhotvornoy rechi [First reading and rereading: to Tynyanov's concept of the succession of poetic speech]. In: Tret'i tynyanovskie chteniya [Third Tynyanov Readings]. Riga, 1988, pp. 15–28. (in Russ.)

Mirotvortsev S. R. Stranitsy zhizni [The pages of life]. Leningrad, State Medical Publishing House, 1956, 199 p. (in Russ.)

Popova I. L. (ed.). “Literaturovedenie kak literatura”: Sbornik v chest' S. G. Bocharova [“Literary criticism as literature”: Collection in honor of S. G. Bocharov]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., Progress-traditsiya Publ., 2004, 512 p. (in Russ.)

Svetlikova I. Yu. Istoki russkogo formalizma i formal'naya shkola [The origins of Russian formalism and the formal school]. Moscow, New Literary Review, 2005, 168 p. (in Russ.)

“Ya ne takoy tebya kogda-to znala...”: Anna Akhmatova. Poema bez Geroya. Proza o Poeme. Nabrosok baletnogo libretto: materialy k tvorcheskoy istorii [“I once knew you not like that...”: Anna Akhmatova. A poem without a hero. Prose about the Poem.

Капинос Е. В. Юрий Николаевич Чумаков рассказывает...

Sketch of a ballet libretto: materials for a creative history]. Preparation by N. I. Kraineva. St. Petersburg, Mir, 2009, 1488 p. (in Russ.)

Yu. N. Chumakov: vospominanie o znacomstve s Yu. M. Lotmanom (publ. E. Kapinos) [Yu. N. Chumakov: memories of meeting Yu. M. Lotman] (publication by E. Kapinos). *Philological class*, 2022, vol. 27, no. 1, pp. 35–43. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Владимировна Капинос, доктор филологических наук
WoS Researcher ID K-6534-2017

Information about the Author

Elena V. Kapinos, Doctor of Sciences (Philology)
WoS Researcher ID K-6534-2017

*Статья поступила в редакцию 19.08.2022;
одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 15.09.2022
The article was submitted 19.08.2022;
approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 15.09.2022*